
Полифония, историзм и релятивизм: русская философия и современная аналитическая философия политики*

© 2021 г. О.Л. Грановская

© 2021 г.

Дальневосточный федеральный университет, Школа искусств и гуманитарных наук, 690922, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д. 10; Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 690014, Приморский край, Владивосток, ул. Гоголя, д. 41.

E-mail: olg@vladivostok.com

Поступила 07.07.2020

В статье исследованы основные направления современной аналитической философии политики в контексте идеи полифонии (плюрализма) и связанных с ней проблем историзма и релятивизма. Такой подход, с одной стороны, решает проблему встроенности русской философии в общемировую смысловую контекст, с другой – позволяет выявить философские основания западных либеральных теорий второй половины XX в., основным метафизическим допущением которых является многообразие. Выявляется общность мировоззренческих позиций аналитической политической философии и русской философской традиции, позволяющих представителям современной философии по-новому осмысливать такие социально-философские проблемы, как рациональное несогласие, плюрализм ценностей, манипулирование, основания моральных суждений и др. В контексте полифонии и плюрализма осмыслена концепция «временного соглашения» Дж. Грея. Исследуется влияние антиномизма русской мысли на неогоббсианцев Д. Готье и К. Байера. В контексте проблемы инерсубъективности (М. Бахтин) раскрываются основные положения концепций «коллективной рациональности» К. МакМаона, Д. Шмидтца, Дж. Уолдрона, Ф. Петти и С. Херли. Политико-философские идеи Ю. Хабермаса – публичный дискурс, оправдание и делиберация – исследуются в контексте проблемы конфликта ценностей. Проводится сравнительный анализ идеи «публичного оправдания» (Дж. Гауз), понятия «объективного горизонта ценностей» (И. Берлин), понятия «другой» (Бахтин). В контексте историзма, который выражается в понимании человека как исторического, самосозидающего существа, чьи потребности меняются вместе с изменением самосознания анализируется взаимосвязь идей А. Кожева, М. Бахтина, И. Берлина, делиберативной демократии и оправдательного либерализма. Историзм проявляется в постоянном разговоре с персонализированным адресатом или «вторым субъектом», в процессе которого формулируются идеи историка философии и позиции политического философа.

Ключевые слова: русская философия, плюралистический либерализм, либерализм «коллективной рациональности», делиберативная демократия, оправдательный либерализм, полифония, ценностный плюрализм, антидогматизм, критика релятивизма.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-4-64-74

Цитирование: Грановская О.Л. Полифония, историзм и релятивизм: русская философия и современная аналитическая философия политики // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 64–74.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-111-50600 «Полифония, историзм и релятивизм: русская философия и современная аналитическая философия политики».

Polyphony, Historicism and Relativism: Russian Philosophy and Contemporary Analytical Political Philosophy*

© 2021 Olga L. Granovskaya

Far Eastern Federal University, 10, Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russian Federation;
Vladivostok State University of Economics and Service,
41, Gogolya str., Vladivostok, 690014, Russian Federation.

E-mail: olg@vladivostok.com

Received 07.07.2020

This article is a study of the main directions of the contemporary analytical political philosophy in the context of the idea of polyphony (pluralism) and related problems of historicism and relativism. This approach, on the one hand, solves the problem of embedding Russian philosophy into the global semantic context, on the other, it allows to identify the philosophical foundations of Western liberal theories of the second half of the twentieth century, the main metaphysical assumption of which is diversity. The article analyzes the commonality of world-view positions of the key directions of the analytical political philosophy and the Russian philosophical tradition. It is shown how the combination of Western and domestic conceptual attitudes allows representatives of modern philosophy to understand traditional socio-philosophical problems in a new way: rational disagreement, pluralism of values, the problem of manipulation, the basis of moral judgments, the problem of political justification and consent. J. Gray's concept of 'temporary agreement' is analyzed in the context of polyphony and pluralism. The impact of antinomianism of the Russian thought on the neo-Hobbesians D. Gauthier and K. Baier is examined. The main points of the concepts of 'collective rationality' by C. McMahan, D. Schmitz, J. Waldron, P. Pettit, and S. Hurley are revealed in the context of the problem of intersubjectivity (M. Bakhtin). J. Habermas's political and philosophical ideas – public discourse, justification, and deliberation – are studied in the context of the value conflict problem. A comparative analysis of the 'public justification' (G. Gaus), of the 'objective horizon of values' (I. Berlin), of the concept of 'Other' (Bakhtin) is conducted. In the context of historicism, which is expressed in the understanding of the man as a historical, self-creating being, whose needs changed along with changes in self-consciousness, the author analyzes the relationship among A. Kojève's, M. Bakhtin's, I. Berlin's ideas, deliberative democracy and justifiable liberalism. Historicism manifests itself in a constant conversation with a personified addressee or 'second subject' within which the ideas of the historian of philosophy and the positions of the political philosopher are formulated.

Keywords: Russian philosophy, pluralistic liberalism, the liberalism of 'collective rationality', deliberative democracy, justificatory liberalism, polyphony, value pluralism, anti-dogmatism, criticism of relativism.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-4-64-74

Citation: Granovskaya, Olga L. (2021) "Polyphony, Historicism and Relativism: Russian Philosophy and Contemporary Analytical Political Philosophy", *Voprosy Filosofii*, Vol. 4 (2021), pp. 64–74.

* Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project No. 19-111-50600 *Polyphony, Historicism and Relativism: Russian Philosophy and Contemporary Analytical Political Philosophy*.

В современной политической философии особое значение приобретает исторический опыт русской мысли первой половины XX в. Такие понятия, как «самоконструирующаяся личность» (Бердяев), «диалог», «полифония» (Бахтин), «внутренний хаос», «фрагментарность» (Шестов) дают широкий спектр стратегий антитоталитарного и антиутопического мышления. Некоторые из этих стратегий – идея плюрализма ценностей, дихотомия «Просвещение/контр-Просвещение», концепция негативной свободы, как неограниченного выбора – были актуализированы Исайей Берлиным и стали методологическими ориентирами для постлиберализма, который ищет способы преодоления либерального универсализма в ответ на вызовы плюрализма [Капустин 1994]. Плюрализм и антидогматизм И. Берлина, во многом обусловленные приобретенным в революционной России экзистенциальным опытом [Грановская 2015; Эткин 2001], – два ключевых принципа созданной им модели либерализма, понимаемого не как доктрина, а как механизм уравнивания конфликтов ценностей. Эту модель один из его лучших учеников Дж. Грей в последствии назвал «агональным» либерализмом.

Ценностный плюрализм (понятие-пара «полифонии» М. Бахтина [Грановская 2019]) – противоречие, заложенное в основу либеральных теорий как плюралистических (в терминологии Грея: недогматический либерализм), так и универсалистских. Эта идея развивается одними исследователями в сторону радикального плюрализма [Савин 2015], неоконсерватизма, и агонального либерализма [Иванова 2007], другими – в сторону объективизма (универсализма). Если радикальное крыло либеральной мысли приходит к релятивистской идее временного соглашения и к отрицанию согласия по поводу либеральных принципов, то объективисты (Гауз, Хабермас, Ролз) ищут возможность социальной конвенции на основе универсальных и объективных принципов, разума, делиберации [Савин 2019^a], или оправдания. При помощи предложенных Берлиным стратегий перед современной политической философией открывается спектр возможностей: 1) установление публичной рациональности в условиях плюрализма ценностей; 2) достижение социального согласия посредством политических процедур; 3) выработка универсальных принципов в крайне плюралистичном современном мире. Обсуждение этих вопросов в современной политической философии приняло форму дискуссий по поводу соотношений «либерализм – плюрализм» и «релятивизм – плюрализм». Проблема в том, что следствием плюрализма является релятивизм, который разрушает либеральные идеи универсальных ценностей и прав человека.

Политическая философия в 1950-х гг. считалась умирающей дисциплиной [Русаква 2012], однако, с эссе Берлина «Два понятия свободы» (1958), постепенно начинается ее возрождение, которое сопровождается усилением интереса на Западе к советской и российской интеллектуальной истории. «Интеллектуальная история России становилась к тому времени (в 1960 г.) модной темой в США в силу вполне очевидных причин... этот возросший интерес был... выражением усилившегося среди американских интеллектуалов убеждения в том, что более глубокое знание и понимание Советской России является жизненно важным делом для самой Америки и что один из ключей к такому пониманию следует искать в изучении интеллектуальной биографии русской нации» [Валицкий 2013, 4]. Этот интерес к русской мысли вызван не только объективными причинами, но и тем, что западные философы (и прежде всего Берлин) стали применять выработанные ее представителями методологические стратегии [Щедрина 2018], давшие стимул к возрождению политической философии в целом.

Известно, что во многом благодаря участию в семинарах Берлина в Оксфорде, Стэнфорде и других университетах, его ученики, в последствие сами известные интеллектуалы, и близкие друзья (Дж. Ролз, Дж. Грей, С. Хемпшир и Г. Харт), познакомилась с русской интеллектуальной традицией. Кого-то из них, как польского исследователя А. Валицкого, Берлин убедил заняться непосредственно изучением спора славянофилов и западников и популяризацией русского народничества. Этот спор был интересен Берлину, прежде всего, как вызов евроцентрическим историческим моделям и культурным канонам, таким как рационализм, законничество, индивидуализм;

как альтернативная модель жизненного мира. Современный англо-американский мультикультурализм восходит к русскому интеллектуальному поиску национальной идентичности [Pruzhinin, Shchedrina 2017^a], который был актуализирован Берлиным. Таким образом, его фигуру можно рассматривать как точку пересечения идентичностей и научных интересов, благодаря которой проблемы, поставленные и сформулированные русской мыслью XIX–XX века, стали основными проблемами современной западной либеральной философии.

По мнению Грея – одного из инициаторов последних дискуссий о плюрализме – мысль Берлина – это призыв в духе Шестова к реализму и смирению принять невозможность создания гармоничного мира [Gray 2016, 451]. Основные ценности не образуют гармоничного единства, они вступают в конфликт друг с другом, и когда это происходит, мы вынуждены выбирать между ними. Идея формирующей идентичности радикального трагического выбора, которую мы находим в текстах Берлина, созвучна шестовскому пониманию жизни человека, как идущих рука об руку трагедии и творчества; человек творит от отчаяния, от невозможности найти универсальное основание мира, привести мир в гармонию со своими представлениями и ожиданиями.

Разговор Берлина и Валицкого раскрывает иную сторону плюрализма. Валицкий больше других историков философии боролся с недооцененностью русской мысли и пренебрежением к ней, и их с Берлиным переписка, представленная в журнале «Dialogue and Universalism» отражает симпатию Берлина к этому проекту [Berlin 2005, 53]. В том же самом журнале Валицкий написал эссе «Исайя Берлин как я его знал» [Walicki 2005, 5]. Мысль Валицкого состоит в том, что философия Берлина является обновлением и актуализацией русского либерализма времен Тургенева [Карпович 2012], который видел угрозу свободе не только в авторитарном правлении, но и в революционном радикализме. Этой свободе с их точки зрения угрожают любые политические режимы и учения, исповедующие доктрину исторической неизбежности. В отличие от многих своих современников, Тургенев считал, что разные общества идут различными путями развития, и верил в человека, осуществляющего свои собственные цели, вопреки универсальным законам истории. Тургенев не соглашался с Герценом по многим другим вопросам, но соглашался с ним в том, что у истории нет «либретто», это царство случайности и непредсказуемости; вера в общий паттерн развития, которому должно соответствовать каждое общество, не просто опасное заблуждение, но готовый рецепт для тирана. Жертвование сегодняшней свободой во имя воображаемого гармоничного будущего – это глупость фанатика. Шестов – продолжатель той же традиции философии истории: жизнь ничего индивидуального заранее не планирует, но каждый раз «вся изливается в настоящую минуту» [Герцен 2018] и, даря людям способность к наслаждениям, ничего не гарантирует и ни за что не несет ответственности. Многие послевоенные работы Берлина содержат критику идеи исторической неизбежности [Берлин 1990; Берлин 2001; Берлин 1978^b, 215; Берлин 1978^a, 580], и представляют собой не только эхо идей русских либералов, но и являются продолжением традиции историзма в русской мысли в целом. (Здесь необходимо вспомнить историзм еще одного берлинского «Другого», А. Кожева, с которым Берлин неоднократно встречался и находился в переписке (см. об этом: [Грановская 2018]).

Берлин перенес специфическое понимание либерализма русских философов на британскую почву [Walicki 2005, 7; Gray 2010, 451] не только потому, что они были его философским героями, и он был увлечен их идеями. Это был сознательный методологический конструкт. Идентифицируя себя с либеральной русской мыслью, Берлин, с одной стороны, спасает ее от забвения (его традицию продолжают Грей, Ролз, Рорти, переписывая современный либерализм в контексте идей Герцена: критика рационалистических идеалов Просвещения, неопределенность, разнонаправленность, плюрализм развития и иронизм [Хестанов 1996; Хестанов 2001]), а с другой – дистанцируется от формализма аналитической философии, ограничивающего его исследовательский поиск.

Кроме Тургенева и Герцена, среди авторов, которыми Берлин больше всего восхищался, был Лев Шестов и это его восхищение передалось Грей, который не только ссылался на Шестова во многих своих работах [Gray 2010; Gray 2018], но и философию в целом понимал по-шестовски: как деятельность, разоблачающую популярные идеологии и ортодоксальные учения [Gray 2018, 38]. Критика идеи тотальной гармонии одновременно является отправной точкой философии Грея.

Невзирая на проделанный путь от преданного сторонника либерализма до его жесткого критика, в своих последних работах Грей предлагает новую либеральную доктрину, построенную на концепции плюрализма Берлина и антиномизме Гоббса. Антиномизм заключается в том, что либерализм может пониматься и как универсальный политический режим, и как проект сосуществования в различных режимах. Первая версия осмысливалась Ролзом как «либерализм Просвещения»: либеральная толерантность основывается на предположении, что общечеловеческий разум придет к общему пониманию того, что такое идеальная форма жизни. В рамках второй версии либерализм понимается как *modus vivendi*, рабочий или временный компромисс между различными конфликтующими интересами в целях мирного сосуществования. *Modus vivendi* – это либеральная толерантность, адаптированная к исторически признанному факту плюрализма. У Шестова также встречается понятие *modus vivendi*, однако, в отличие от Грея он считает, что если мы не «можем ничего знать о последних вопросах нашего существования», мы не должны признать как временное соглашение «какое бы то ни было из существующих догматических учений», даже имеющее скептический вид [Шестов 2011]. Но Грей, заявляет, что *modus vivendi* не требует идеи универсальности. В рамках этой доктрины к частным предпочтениям относятся с равнодушием, если они не угрожают мирному сосуществованию. Являясь, в сущности, простой приверженностью социальным институтам, в рамках которых разрешаются конфликты конкурирующих ценностей, либерализм временного соглашения не опирается ни на какую сверхценность. Его цель – разрешение конфликтов ценностей. Грей признает проект Просвещения провалившимся и считает, что либерализм не может на нем основываться. Отстаиваемая им плюралистическая позиция приводит к отказу от либерализма и признанию его лишь одной из возможных форм жизни [Грей 2003, 279]. Грей утверждает, что *modus vivendi* не обязательно нуждается в принятии либеральных институтов. Прямым наследником либерального проекта является плюрализм, согласно которому разнообразие форм этической жизни выражается во многих институтах и режимах, как либеральных, так и нелиберальных. Плюрализм, будучи центральной особенностью «постмодерна», дает ответ на вызов несоизмеримости ценностей и теоретических перспектив.

Предлагая различные решения проблемы плюрализма, одни исследователи делают акцент на этическом плюрализме (несовместимости и несоизмеримости ценностей), основной проблемой для других является плюрализм суждений и мнений (гносеологический плюрализм). Современные последователи Гоббса (т.н. неогоббсианцы) пытаются преодолеть именно гносеологический плюрализм посредством концепции публичной рациональности. Так, Давид Готье реконструирует рассуждения Гоббса об общественном разуме, и на их основе выстраивает концепцию правового порядка как выражения этого разума. Он отличает способность человека действовать сообразно мотивам, от его способности оценивать адекватность мотивов, которую он и называет рациональностью [Gauthier 1995, 23]. Готье спорит с концепцией *modus vivendi* Грея. Мы назначаем арбитра не только для баланса интересов. Это простое требование рациональности. От личных суждений необходимо отказываться в случае споров, и авторизовать арбитра, чье суждение будет признаваться истинным. Общественный договор Гоббса – это не просто *modus vivendi* личных интересов: индивиды отказываются от права руководствоваться собственным разумом и отдают другому право руководить их поступками. Закон не только объясняет нам, как поступать – это голос общественного разума, который мы авторизовали в качестве инстанции истины. Разум интерперсонален и поэтому иррационально считать свое собственное суждение аналогом истины.

Концепция *modus vivendi* Готье больше похожа на идею уважения к «порядку извне» и «полнейшего внутреннего хаоса» мотивов Шестова, который считал, что «убеждения нужно сохранять лишь в сношениях с другими людьми, которым ведь необходимо знать, в каких случаях и в какой мере они могут на нас рассчитывать» [Шестов 2011]. Эта идея также коррелирует с идеей «общего горизонта ценностей» Берлина и идеей общего «жизненного мира» Хабермаса [Хабермас 2007, 234].

Пытаясь преодолеть антиномию индивидуальной/общественной рациональности, К. МакМаон и Д. Шмидтц выдвигают концепцию, в которой помимо индивидуальной рациональности, максимизирующей личную выгоду, люди, склонные к кооперации, обладают коллективной рациональностью – они размышляют не только в терминах личной выгоды, но и в терминах выгоды коллективной [McMahon 2001, 8; Schmidt 1995, 196]. Для этих теоретиков проблема заключается в том, чтобы доказать, что люди, склонные к кооперации, на самом деле приходят к разным выводам, а не просто стремятся к различным целям.

Дж. Уолдрон считал, что в основе закона, политики и управления лежит концепция коллективной рациональности: политика – это координационная проблема, и, следовательно, политическая рациональность – это кооперативная рациональность [Waldron 1987, 128]. Согласно неогоббсианской концепции социализированной рациональности К. Байера [Baier 1984, 193], рациональность имеет социальные корни, и мы не должны понимать разум как индивидуальную, частную умственную способность. Байер утверждает, что сама идея рациональности подразумевает наличие социально одобренных норм. Таким образом, дилемму Гоббса можно решить, признав, что многие социально укорененные нормы дают нам указание вступить в кооперацию. Но существует два основных аргумента против этой концепции.

Неовитгенштейновцы представляют уточненный и подробный анализ этих аргументов, доказывая, что всякая рациональность по сути своей социальна. Мыслить, значит следовать правилам, а следование правилам подразумевает социальную конвенцию по поводу того, как правильно следовать правилу. Рациональность не расщепляется на естественную и социальную, она исключительно социальна. Такое представление о рациональности вступает в теории Ф. Петти в противоречие с республиканским пониманием свободы [Pettit 1996, 326] и приводит к антилиберальным выводам по поводу уважения к взглядам инакомыслящих. В тоже время Берлин понимал, что есть ситуации, в которых утрачивается свобода в любом ее понимании. Зло тоталитаризма состоит не просто в том, что он не может защитить некоторые виды свобод, а в том, что он уничтожает саму возможность свободы. (Эта непримиримость к догматизму вдохновляла молодого политического теоретика и историка мысли Беату Полановскую-Сигульскую [Berlin, Polanowska-Sygułska 2006]).

Между тем, этому взгляду противостоит теория коммуникативной рациональности и делиберативной демократии Юргена Хабермаса, которая исходит, как и многие другие современные ей морально-политические теории, из парадоксальных идей Берлина о плюрализме ценностей и представляет собой «смесь» идей Гоббса (подчеркивающего индивидуальность рациональности) и Витгенштейна (делающего акцент на социальности). Согласно Хабермасу, не всякая рациональность может быть охарактеризована в терминах социальной конвенции, однако, некоторые важные ее виды – моральная и политическая – по своей сути являются intersубъективным согласием. В его теории вновь возникает концепция расколотой рациональности: индивидуальная рациональность приводит к разногласиям по личным вопросам, но существует также особый вид рациональности, предполагающий социальное соглашение по политическим вопросам.

В теориях постлиберализма релятивизм и соответственно невозможность достижения согласия преодолевается разными вариациями на тему концепции intersубъективности [Махлин 1999]. С ее же помощью преодолевается релятивизм в работах Берлина и Бахтина [Emerson 1999]. Великие «измы» предполагают, что все, пользуясь уничижительным термином Бахтина, подлежит «транскрипции» (обобщенному описанию

набором безличных законов). Следовательно, они упускают из виду, что в человеческой жизни часто самое важное, то, что обычно содержит душу деятельности и смысл событий, лежит именно в том, что не может быть преобразовано в правила или обобщения. Подлинная жизнь, подлинная историчность и подлинная индивидуальность обнаруживаются в том, что осталось, после того как все правила применены и все обобщения исчерпаны. В этом избытке мы находим особый мир, в котором творим, живем и умираем. Для Бахтина именно понимание событийности и «избытка» всего того, что делает нашу жизнь и наши решения особыми и «неповторимыми», определяет роль гуманитарных наук как дисциплины [Бахтин 2003].

Историзм – это изучение специфики каждого конкретного случая. Когда Бахтин описывал природу историчности или нерегулярный пульс «реального исторического времени», он утверждал, что никакая система не сможет объяснить богатство традиции, прозаическую путаницу настоящего и открытость будущего. Такие подходы отрицают свободу, ответственность и творчество – они не оставляют места всему, что составляет то, что и Бахтин, и Берлин называли «живым ядром» личности. Берлина, Бахтина, Шестова объединяет еще и то, что они не выстраивали, подобно многим своим современникам эмпирическую реальность из частей опыта, но подходили к проблемам как историки идей, у них были свои литературные и философские герои. Они обращались к мыслителям, концепции которых стали основанием и выражением их собственных идей (см.: [Грановская 2019^а]).

В текстах Бахтина и Хабермаса также обнаруживается много общего: понимание языка как, прежде всего, высказывания, а не как структуры суждений; концепция коммуникации как формы действия; идея самости как артефакта диалогического сообщества; подчеркивание существенной связи между личностью и многоголосием, придающей ей форму [Pruzhinin, Shchedrina 2017^а]. Но Бахтин не считает, в отличие от Хабермаса, что у языка есть телос согласия, а скорее понимает его как центробежную силу, объединяющую конкурирующие голоса, и если мы достигаем согласия, то оно скорее свидетельствует о включении режима власти, появлении «арбитра», а не о достигнутом соглашении. Бахтин с большим скептицизмом относится ко всем фактически существующим соглашениям. Согласно же Хабермасу, мы все живем в общем «жизненном мире» и тем самым разделяем определенные глубокие долингвистические формы знания, которые выступают в качестве «консервативного противовеса» и компенсируют возникающие в диалоге разногласия [Хабермас 2007]. Но Хабермас уделяет мало внимания тому, что представители разных культур располагают различными наборами долингвистического опыта, а это может блокировать достижение соглашения.

Сторонников делиберативной демократии условно можно разделить на два лагеря [Муфф 2004, Мюрберг 2010]. Первые испытывают влияние Ролза [Cohen 1986, 27–38], а вторые – Хабермаса [Benhabib 1992, 77]. При этом все они хотят установить тесную связь между либеральными ценностями и демократией, вернув либерализму моральную составляющую. Делиберативную демократию Элстер определяет как политику, направленную на трансформацию предпочтений с помощью рациональной дискуссии, а агрегирующую демократию как политику, направленную на суммирование имеющихся предпочтений [Elster 1998, 23; Баталов 2010]. Интегративные и агрегативные модели демократии пытаются преодолеть вызовы берлинского гносеологического плюрализма и инструментализма и предлагают дополняющие друг друга решения проблемы того, как возможны демократия и либерализм в современных условиях полифонии ценностей [Aleksieva 2016]. Одной делиберации недостаточно для получения рациональных политических решений. Делиберация необходима, поскольку уменьшает «процедурные дефициты» [Каширских 2012, 27] и способствует формированию стабильного большинства путем снижения радикальности и эмоционализации предпочтений. Делиберация может продолжаться бесконечно и должна прерываться голосованием, которое ставится в центр либеральными концепциями агрегативной демократии.

Согласно теории Ролза (посещавшего семинары Берлина и ссылающегося на Герцена [Ролз 1995, 293]), концепция справедливости является «модулем» во всех разумных всеобщих мировоззрениях, и, таким образом, может стать основой для формирования правильно организованного общества в условиях плюрализма. При помощи этой метафоры он пытается сделать область политического областью согласия в условиях плюрализма всеобщих доктрин. Фундаментальным в его теории политического либерализма (см.: [Макеева 2006]) является различие всеобъемлющих доктрин, по поводу которых нет согласия, и политической концепции, по поводу которой разумные люди могут достигнуть согласия [Савин 2019⁶].

Грей критикует концепцию Ролза. Попытка раз и навсегда определить принципы справедливости, по его мнению, приводит к тому, что из политики изымаются вопросы, составляющие суть политического: справедливого устройства и распределения. Стремление Ролза перенести эти вопросы в сферу законодательства, Грей называет «либеральным легализмом», указывая на чрезмерную утопичность и реалистичность его теории. Утопичность легализма заключается в том, что политика не может быть вытеснена законом, в силу самой природы человеческого общества. Легализм «слишком реалистичен» в том плане, что может привести к разрушению политической сферы, к отказу от публичного обсуждения наиболее важных общественных вопросов. Одним из ключевых недостатков теории справедливости Грей считал чрезмерный рационализм и отсутствие учета случайностей и неопределенностей, присущих политике.

Несмотря на идейное многообразие теорий постлиберализма, их общим минимальным объективным принципом служит идея публичной рациональности [Gaus 2003, 240]. Основной принцип «оправдательного» либерализма – концепция объективного оправдания – это «минимально универсальный принцип» по типу берлинского «объективного горизонта ценностей». Гауз утверждает, что, хотя Берлин неясно выражал идею несовместимости ценностей и их одновременной объективности, он, тем не менее, считал, что свобода – предельная ценность, а это и есть ниточка, соединяющая либерализм и плюрализм. Если признать плюрализм ценностей, то основной ценностью становится свобода выбора.

Источнику – Primary Sources and Translations

Бахтин 2003 – Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 1. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 7–68 (Bakhtin, Mikhail M., *To the Philosophy of Action*, in Russian).

Берлин 1978^a – Берлин И. Еж и лиса // Берлин И. Подлинная цель познания. Избранные эссе. М.: Канон+, 2002. С. 513–595 (Berlin, Isaiah, *The Hedgehog and the Fox*, Russian Translation, 2002).

Берлин 1978^b – Берлин И. Историческая неизбежность // Берлин И. Четыре эссе о свободе. London: Overseas publications interchange ltd., 1992. С. 135–231 (Berlin, Isaiah *Historical Inevitability*, Russian Translation).

Берлин 1990 – Берлин И. Джамбаттиста Вико и история культуры // Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001 (Berlin, Isaiah, *Giambattista Vico and Cultural History*, Russian Translation).

Берлин 2001 – Берлин И. Естественная ли наука история? // Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 69–121 (Berlin, Isaiah, *Is History a Natural Science?*, Russian Translation).

Герцен 2018 – Герцен А.И. С того берега. М.: T8RUGRAM, 2018 (Herzen, Alexander I., *From the Other Shore*, in Russian).

Шестов 2011 – Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления). М.: Азбука-Аттикус, 2011. (Shestov, Lev I., *Apotheosis of Groundlessness (An attempt of Adogmatic Thinking)*, in Russian).

Berlin, Isaiah (2005) “Isaiah Berlin’s Letters to Andrzej Walicki: 1962–1996”, *Dialogue and Universalism*, Vol. 15, Iss. 9/10, pp. 53–173.

Berlin, Isaiah, Polanowska-Sygułska, Beata (2006) *Unfinished Dialog*, Prometheus Books, New York.

Ссылки – References in Russian

- Баталов 2010 – *Баталов Э.Я.* Проблема демократии в американской политической мысли XX века (из истории политической философии современности). М.: Прогресс-Традиция, 2010.
- Валицкий 2013 – *Валицкий А.* История русской мысли от Просвещения до марксизма. М.: Канон+, 2013.
- Грановская 2019 – *Грановская О.Л.* Берлин и Бахтин: плюрализм, полифония и критика релятивизма // Вопросы философии. 2019. № 12. С. 41–51.
- Грановская 2015 – *Грановская О.Л.* Исая Берлин: политическая философия с русскими корнями // Вестник РХГА. 2015. Т. 16. Вып. 2. С. 93–106.
- Грановская 2018 – *Грановская О.Л.* Разговор на «перекрестке культур» (Исая Берлин о встрече с Александром Кожевом) // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 152–161.
- Грей 2003 – *Грей Дж.* Поминки по Просвещению. Политика и культура на закате современности. М.: Праксис, 2003.
- Иванова 2007 – *Иванова Е.А.* Дискурс «агонистической демократии» Ш. Муфф // Дискурс Пи. 2007. № 1 (7). С. 32–34.
- Капустин 1994 – *Капустин Б.Г.* Три рассуждения о либерализме и либерализмах // Полис. 1994. № 3. С. 13–26.
- Карпович 2012 – *Карпович М.М.* Либерализм: И.С. Тургенев // Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). М.: Русский путь, 2010. С. 13–31.
- Каширских 2012 – *Каширских О.Н.* Политические предпочтения в контексте теории делиберативной демократии // Вестник Пермского университета. Политология. 2012. № 1. С. 20–34.
- Макеева 2006 – *Макеева Л.Б.* Философия эгалитарного либерализма в США: Джон Ролз и Рональд Дворкин // История философии. 2006. № 12. С. 45–62.
- Махлин 1999 – *Махлин В.Л.* В зеркале неабсолютного сочувствия // Диалог. Карнавал. Хроно-топ. 1999. № 4. С. 1–23.
- Муфф 2004 – *Муфф Ш.* К агонистической модели демократии // Логос. 2004. № 2. С. 180–197.
- Мюрберг 2010 – *Мюрберг И.И.* Либерализм и проблема современной свободы: между утилитаризмом и неокантианством // Философские науки. 2010. № 12. С. 64–77.
- Ролз 1995 – *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск: НГУ, 1995.
- Русакова 2012 – *Русакова О.Ф.* Политическая философия: предмет, концепт, дискурс. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2012.
- Савин 2015 – *Савин Н.Ю.* Порывая с Карлом Шмиттом: понятие политического в теории агонистического плюрализма // Логос. 2015. № 6 (108). С. 163–179.
- Савин 2019^а – *Савин Н.Ю.* Между субстанцией и процедурой: две традиции в делиберативной демократической теории // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 26–39.
- Савин 2019^б – *Савин Н.Ю.* Политическая теория и понятие политического // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. №1(92). 2019. С. 6–21.
- Хабермас 2007 – *Хабермас Ю.* Теория коммуникативного действия (фрагменты) // Вопросы социальной теории. 2007. Т.1. Вып. 1. С. 229–245.
- Хестанов 1996 – *Хестанов Р.* Утопическое экспериментирование Ричарда Рорти // *Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. С. 259–276.
- Хестанов 2001 – *Хестанов Р.* Александр Герцен: Импровизация против доктрины. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.
- Щедрина Т.Г.* Проблема понимания исторической реальности (методологический опыт Густава Шпета) // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 90–93.
- Эткинд 2001 – *Эткинд А.М.* Предисловие // Берлин И. История свободы. Россия. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 5–8.

References

- Alekseeva, Tatiana A. (2016) “Liberalism in a non-ideal world”, Chumakov, Alexander N., Gay, William C., eds., *Between Past Orthodoxies and the Future of Globalization: Contemporary Philosophical Problems*, Brill/Rodopi, Leiden, pp. 212–228.
- Baier, Kurt (1984) “Rationality, Reason and the Good”, Copp, D., Zimmerman, D., eds., *Morality, Reason and Truth: New Essays on the Foundations of Ethics*, Rowman & Allenheld, Totowa, New Jersey, pp. 193–211.
- Batalov, Eduard Ya. (2010) *The problem of democracy in American Political Thought of the Twentieth Century (from the History of Political Philosophy of Modernity)*, Progress- Traditziya, Moscow (in Russian).

- Benhabib, Seyla (1992) "Models of Public Space: Hannah Arendt, the Liberal Tradition, and Jurgen Habermas", Calhoun, C., ed., *Habermas and the Public Sphere*, the MIT Press, Cambridge, Massachusetts, and London, pp. 73–98.
- Cohen, Joshua (1986) "An Epistemic Conception of Democracy", *Ethics*, Vol. 97(1), pp. 26–38.
- Elster, Jon (1998) *The Market and the Forum, Deliberative Democracy*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Emerson, Caryl (1999) "Isaiah Berlin and Mikhail Bakhtin: Relativistic Affiliations", *Symplokē*, Vol. 7 (1/2), pp. 417–457.
- Etkind, Alexander M. (2001) "Preface", Berlin, Isaiah, *The History of Freedom*, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, pp. 5–8 (in Russian).
- Gaus, Gerald (2003) *Contemporary Theories of Liberalism*, Sage, London.
- Gauthier, David (1995) "Public Reason", *Social Philosophy and Policy*, Vol. 12, pp. 19–42.
- Granovskaya, Olga L. (2015) "Isaiah Berlin: Political Philosophy with Russian Origins", *Vestnik RKHGA*, Vol. 16, pp. 41–51 (in Russian).
- Granovskaya, Olga L. (2018) "Conversation at the Crossroads of Cultures (Isaiah Berlin about Meeting with Alexandre Kojève)", *Voprosy Filosofii*, Vol. 12, pp. 152–161 (in Russian).
- Granovskaya, Olga L. (2019) "Berlin and Bakhtin: pluralism, polyphony and critic of relativism", *Voprosy Filosofii*, Vol. 12, pp. 41–51 (in Russian).
- Gray, John (1997) *Enlightenment's Wake: Politics & Culture at the Close of the Modern Age*, Routledge, London, New York (Russian Translation).
- Gray, John (2010) *Gray's Anatomy: Selected Writings*, Penguin Books, London.
- Gray, John (2018) *Seven Types of Atheism*, Farrar, Straus and Giroux, New York.
- Habermas, Urgan (1981) *Theory of Communicative Action*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Mein (Russian Translation).
- Ivanova, Evgenia A. (2007) "Chantal Mouffe's Discourse of "Agonistic Democracy"", *Discourse-P*, Vol. 1 (7), pp. 32–34 (in Russian).
- Kapustin, Boris G. (1994) "Three Reflections on Liberalism and Liberalisms", *Polis*, Vol. 3, pp. 13–26 (in Russian).
- Karpovich, Mikhail M. (2012) "Liberalizm: I.S. Turgenev", *Lectures on the Intellectual History of Russia (XVIII–beginning of the XX century)*, Russkii Put', Moscow, pp. 13–31 (in Russian).
- Kashirskikh, Oleg N. (2012) "Political Preferences in the Context of the Theory of Deliberative Democracy", *Vestnik Permskogo Universiteta, Political Science*, Vol. 1, pp. 20–34 (in Russian).
- Khestanov, Ruslan Z. (1996) "Richard Rorty's Utopian Experimentation", Rorty, Richard, *Contingency, Irony and Solidarity*, Russkoe fenomenologicheskoe. obschestvo, Moscow, pp. 259–276 (in Russian).
- Khestanov, Ruslan Z. (2001) *Alexander Herzen: Improvisation Against the Doctrine*, Dom Intellekt. Knigi, Moscow (in Russian).
- Makeeva, Lolita B. (2006) "The Philosophy of Egalitarian Liberalism in the USA: John Rawls and Ronald Dworkin", *Istoriya Filosofii*, Vol. 12, pp. 45–62 (in Russian).
- Makhlin, Vitalii L. (1999) "In the Mirror of Non-Absolute Sympathy", *Dialog, Carnaval, Khronotop*, Vol. 4, pp. 1–23 (in Russian).
- McMahon, Christopher (2001) *Collective Rationality and Collective Reasoning*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Mouffe, Chantal (2000) *The Democratic Paradox*, Verso, London, pp. 80–107 (Russian Translation).
- Murberg, Irina I. (2010) "Liberalism and the Problem of Modern Freedom: Between Utilitarianism and Neo-Kantianism", *Filosofskie Nauki*, Vol. 12, pp. 64–77 (in Russian).
- Pettit, Philip (1996) *The Common Mind: An Essay on Psychology, Society and Politics*, Oxford University Press, New York.
- Pruzhinin, Boris I., Shchedrina, Tatiana G. (2017^a) "The Ideas of Cultural-Historical Epistemology in Russian Philosophy of the Twentieth Century", *Social Epistemology. A Journal of Knowledge, Culture and Policy*, Vol. 31, No. 1, pp. 16–24.
- Pruzhinin, Boris I., Shchedrina, Tatiana G. (2017^b). "On the Specifics of Russian Philosophy: A Reply to Mikhail Sergeev", *Social Epistemology Review and Reply Collective*, Vol. 6, No. 8, pp. 37–41.
- Rawls, John (1971) *Theory of Justice*, The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts (Russian Translation).
- Rawls, John (1995) "Political Liberalism: Reply to Habermas", *The Journal of Philosophy*, Vol. 92 (3), pp. 132–180.
- Rusakova, Olga F. (2012) *Political philosophy: Subject, Concept, Discourse*, Discourse-P, Yekaterinburg (in Russian).
- Savin, Nikita Yu. (2015) "Breaking with Karl Schmitt: the Concept of the Political in the Theory of Agonistic Pluralism", *Logos*, Vol. 6 (108), pp. 163–179 (in Russian).

Savin, Nikita Yu. (2019^a) “Between the Substance and the Procedure: Two Traditions in the Deliberative Democratic Theory”, *Polis, Political Studies*, Vol. 4, pp. 26–39 (in Russian).

Savin, Nikita Yu. (2019^b) “Political Theory and the Notion of Political”, *Politiya: Analiz, Khroniki, Prognoz*, Vol. 1 (92), pp. 6–21 (in Russian).

Shchedrina, Tatiana G. (2018) “The Problem of Understanding of Historical Reality (G.G. Shpet’s Methodological Experience)”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12, pp. 90–93 (in Russian)

Schmidtz, David (1995) *Rational Choice and Moral Agency*, Princeton University Press, Princeton.

Waldron, Jeremy (1987) “Theoretical Foundations of Liberalism”, *Philosophical Quarterly*, Vol. 37, pp. 127–150.

Walicki, Andrzej (2005) “Isaiah Berlin as I Knew Him”, *Dialogue and Universalism*, Vol. 15 (9/10), pp. 5–50.

Walicki, Andrzej (2012) *The History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism*, Stanford University Press, Stanford (Russian Translation).

Сведения об авторе

ГРАНОВСКАЯ Ольга Леонидовна – доктор философских наук, профессор департамента Философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета; профессор кафедры Теории и истории российского и зарубежного права, Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Author’s Information

GRANOVSKAYA, Olga L. – DSc in Philosophy, professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University; professor, Department of Theory and History of Russian and Foreign Law, Vladivostok State University of Economics and Service.